

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽⁵⁾
осень — зима
2006

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Ю.А. Иоаннесян.* Две Скрижали Бахауллы 1863 г.: ценная находка в собрании рукописей СПбФ ИВ РАН 5
- С.О. Курбанов.* Корейские каменные стелы хёхэнби (孝行碑) конца XIX — начала XX в. (провинция Южная Кёнсан, уезд Тхоньён) 44
- «Основы вероучения» 'Абу Хāмида ал-Газāли.
Комментированный перевод с арабского
С.М. Прозорова 57
- З.А. Юсупова.* «Диван» курдского поэта первой половины XIX века Нали 821

ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.И. Воробьева-Десятовская.* К вопросу о догматике раннего буддизма 104
- И.Т. Зограф.* Простое предложение в языке памятников средневековой китайской литературы 125
- И.И. Надиров.* К пониманию коранического 'allahumma 144
- М.Г. Романов.* Термин *ṣūfī*: одухотворяя простые слова (на англ. яз.) 149
- Л.Ю. Тугушева.* Несколько замечаний в связи с реконструкцией древнетюркских религиозных представлений (на англ. яз.) 160
- И.Р. Каткова.* Суфийское братство Самманийа в Индонезии 163

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

<i>А.В. Зорин. Особенности композиции индо-тибетских буддийских гимнов</i>	169
<i>А.Б. Куделин. О поэтическом компоненте «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама</i>	178

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Г. Грушевой. Иудеи и иудаизм в римском праве (I в. до н.э. — I в. н.э.) (Официальные документы римского времени в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия как историко-правовой источник)</i>	190
<i>Е.И. Кычанов. Билики Чингис-хана</i>	210
<i>Giovanni Stary / Джованни Стари. Чингис-хан в «Сокровенных хрониках маньчжурской династии»</i>	217
<i>А.И. Колесников. Обзор новых материалов для изучения сасанидской администрации</i>	223

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой стороне обложки:

Страница рукописи Скрижали священного морехода из собрания СПбФ ИВ РАН

<i>А. Гриб. Атрибуция отдельных листов рукописей Корана из архива Э. Херцфельда (Отдел исламского искусства Метрополитен-музея)</i>	232
<i>Т.И. Виноградова. «Сахалинский фонд» как часть книжного фонда библиотеки СПбФ ИВ РАН</i>	249

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т.А. Пан. Кюнеровские чтения в МАЭ РАН</i>	252
<i>С.А. Французов. Детище Бутруса (сессии ленинградских/петербургских арабистов на страже традиций классического востоковедения)</i>	254
<i>М.Б. Пиотровский. Первые десять сессий ленинградских арабистов</i>	264
<i>О.В. Васильева. Два века Отделу рукописей Российской национальной библиотеки: научные заседания, выставки, публикации</i>	266

РЕЦЕНЗИИ

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
З.Г. Минеджян
О.В. Волкова
И.Г. Ким
М.П. Горшенкова
А.В. Богатюк
Э.Л. Эрман

<i>The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Transl. with a hist. and philological commentary by I. de Rachewiltz (Н.С. Яхонтова)</i>	272
<i>О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с кит. А.С. Мартынова, И.Т. Зограф, вступ. ст. и коммент. А.С. Мартынова, грамMAT. очерк И.Т. Зограф (И.Ф. Попова)</i>	274
<i>Видения буддийского ада. Предисл., пер., транслит., примеч. и глоссарий А.Г. Сазыкина (Т.А. Пан)</i>	276
<i>О.Ф. Акимущикин. Средневековый Иран: Культура. История. Филология (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов)</i>	277
<i>А.Л. Хосроев. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте) (А.С. Ковалец)</i>	279

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2006
© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения, 2006

<i>Мая Петровна Волкова (1927–2006)</i>	283
<i>Михаил Евгеньевич Ермаков (1947–2005)</i>	286

А.И. Колесников

Обзор новых материалов для изучения сасанидской администрации*

Для изучения провинциальной бюрократии Сасанидской державы (226–651 гг.) большое значение имеют официальные печати, указывающие на должность их владельцев, либо названия ведомств конкретных населенных пунктов и административных образований. Являясь синхронными памятникам эпохи, они во многом уточняют и дополняют информацию более поздних нарративных источников, которые в силу своей специфичности многие реалии внутренней жизни государства и общества опускают вовсе либо представляют в самом общем виде.

Значение сасанидской сфрагистики для исследования административных институтов ученые осознали давно. Атрибуция сасанидских печатей и булл (отгисков печатей на глине) имеет полуторавековую традицию. В XIX в. их изучали А. Мордтман, Э. Томас, П. Хорн и Г. Штейндорф. Результаты пионеров в этой области были скромными из-за скудости доступного материала и проблем с освоением пехлевийского письма. По мере развития ближневосточной археологии и среднеиранской эпиграфики, прежде всего издания и прочтения наскальных сасанидских надписей III–IV вв., положение стало меняться к лучшему. Настоящий перелом наступил во второй половине XX в. после серии публикаций каталогов и альбомов сасанидской глиптики из собраний крупнейших музеев мира — Государственного Эрмитажа (А.Я. Борисов, В.Г. Луконин), Британского музея (А. Бивар, Ф. Жинью), музея Метрополитен в Нью-Йорке (К. Бруннер, Р. Фрай, О. Харпер, Ф. Жинью), Национальной библиотеки в Париже и музея Лувра (Ф. Жинью), музея «Иран-е Бастан» в Тегеране (Ф. Жинью), Берлинского музея (Р. Гебель). Одновременно с введением в научный оборот музейных собраний издавались описания печатей и булл из частных коллекций М. Форуги (Р. Фрай), Пирузана (Ф. Жинью), М. Мошири и других собирателей иранских древностей (работы Ф. Жинью и Р. Гизелен).

Доля официальных печатей и булл в огромной массе опубликованного материала сравнительно невелика, но она включает более тысячи «говорящих» памятников эпохи, без учета которых невозможно всерьез заниматься проблемами исторической географии и административной номенклатуры сасанидского Ирана. Именно на обработке (атрибуции), исследовании и публикации этих ценных источников сосредоточила в последние десятилетия наибольшее внимание Рика Гизелен, ставшая крупнейшим специалистом в этой области.

Начало было положено четверть века назад попыткой производить атрибуцию названий монетных дворов с помощью аббревиатур на официальных печатях¹. Предложенная методика апробировалась в нумизматических студиях и получила одобрение коллег, обращающихся к описанию сасанидского материала.

* Работа выполнялась по гранту РГНФ 04-01-00033а «Бюрократия на древнем и средневековом Востоке».

¹ Gyselen R. Ateliers monétaires et cachets officiels sassanides // *Studia Iranica*. Т. 8. P., 1979. P. 189–212.

Изучение официальных (административных) печатей как самостоятельного объекта исследований произошло позднее, после обработки и издания основных музейных и частных собраний сасанидской глиптики. Первым ошутимым результатом поисков стала монография, посвященная административной географии домусульманского Ирана². В ней проанализированы свидетельства 350 официальных печатей и булл позднесасанидской эпохи (V–VII вв.). Сведения из нарративных источников привлечены здесь для уточнения датировки памятников глиптики. Книга состоит из пространныго введения, объясняющего важность синхронных источников (в данном случае печатей и булл) для изучения сасанидской истории Ирана, четырех глав и двух приложений. Каждая глава посвящена одному из направлений большой темы. В главе I (*La glyptique de l'administration provinciale*) рассматриваются сугубо технические вопросы расположения текста легенд, системы обозначений, содержание легенд, материал и форма официальных печатей, классификация булл по числу оттисков с упоминанием должностных лиц, форма и происхождение булл с перечислением археологических объектов, откуда поступила основная масса материала.

В небольшой главе II (*Les administrations provinciales*) анализируется статус 12 институтов провинциальной номенклатуры: *šahrab, mogbed, driyōšān jādaggōw ud dādwar, handarzed, dādwar, āyēnbed, nēwbār, wāspuhragān framādār, āmārgar, framādār, ōstāndār, maguh*. Достоинством исследования является привязка официальных должностей к конкретным административно-территориальным единицам (провинция, округ, город), зафиксированным на печатях и буллах, а также сопоставление данных глиптики с информацией наскальных царских надписей III в., сирийских источников сасанидской эпохи, «Сасанидского судебного кодекса» и даже раннемусульманских хроник. Такое сопоставление открывает перспективу углубленного изучения проблемы и позволяет дать более верную трактовку термина в конкретную историческую эпоху.

Глава III (*Les circoncriptions administratives*) представляет собой исследование всех административно-территориальных единиц, зафиксированных в глиптике, и их классификацию по рангу. Таким образом, автор выделяет наиболее многочисленную группу административных топонимов — названия провинций (*šahr*), которых насчитывает более полусотни — 49 отождествленных и 8 неотожествленных (из-за повреждений текста, возможности альтернативного чтения знаков, отсутствия аналогий или иных наводящих ассоциаций в нарративных источниках). Справедливости ради необходимо заметить, что из числа неидентифицированных следует исключить топонимы *'p'wlty* и *(d)nbwnd*. Первый полностью соответствует названию города (области) Абивард/Бавард в сирийских «Актах несторианских синодов V–VII вв.» и раннемусульманских географических источниках IX–X вв., а второй созвучен Дунбаванду пехлевийского трактата «*Šahrstānīhā ī Ērān*». Во вторую группу выделены «регионы» Парс и Керман, представлявшие собой по сути традиционные административно-территориальные образования, которые упомянуты уже в надписи Шапура I середины III в. В позднесасанидское время они включали несколько самостоятельных провинций. Такие крупные образования мы называем большими провинциями. Третью группу составляют образования с непонятным статусом: это могут быть и «регионы», и *шахры* (провинции). Р. Гизелен относит к ним семь административно-территориальных единиц, в числе которых значатся хорошо известные Герат, Хузистан, Синд и Спахан. В четвертую группу включены два топонима, обозначенные термином *остан*, поскольку они присутствуют на печатях *остандара*. За ними следует группа малоизвестных топонимов (зафиксированных только в глиптике), в определении статуса которых исследователь колеблется («*šahr* или *cantons*»?). По поводу то-

понима *Ādur ī Gušnasp* на оттиске печати Гизелен высказывает предположение, что он обозначает здесь округ с известным храмом огня на севере Ирана, имевший особый статус.

Отождествление административных единиц и определение их статуса увязываются с представителями официальной номенклатуры конкретных регионов, провинций и округов. В области палеографии при чтении (отождествлении) топонимов автор часто обращается к пехлевийским штудиям Ф. Жинью.

В главе IV (*L'Organisation administrative des provinces*) предпринята попытка реконструировать по материалам глиптики состав административных провинций Ирана в позднесасанидскую эпоху. Исследование ведется по двум направлениям: а) локализация провинций на территории державы; б) «наполнение» административно-территориальных образований представителями официальной бюрократии, отмеченными позднесасанидской глиптикой. Для восстановления административной карты предлагается перечень регионов Ирана в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра», который очерчивает территорию Сасанидского государства в середине III в. от Парса (колыбели сасанидской династии) до земель «по другую сторону моря» включительно — всего 27 регионов. Опираясь на свидетельства глиптики, автор пытается определить, насколько ранняя схема административного деления совместима с ситуацией позднесасанидской эпохи (VI–VII вв.). Поставленной задаче служат схематические карты Ирана с локализацией удельных царств и провинций середины III в. (по надписи Шапура I), провинций VI–VII вв. (упомянутых в глиптике), а также с указанием наиболее типичных представителей местной администрации. Таких карт выполнено семь.

В заключении книги Р. Гизелен оценивает вклад глиптики в изучение сасанидской истории и формулирует те вопросы, на которые пока нет ответа. В основном они касаются функционирования печатей и булл, взаимодействия их владельцев. В частности, ее интересуют вопросы: почему на одном куске глины присутствуют оттиски печатей разных чиновников и стоит ли расценивать такие случаи как указания на отправителя и адресата?

Книга дополнена двумя приложениями. Первое представляет корпус административной глиптики из 22 печатей и 360 булл с прорисовками текста и классификацией материала по официальной провинциальной номенклатуре. Второе содержит анализ печатей высших должностных лиц Сасанидской державы, а также палеографические и иконографические наблюдения, фототаблицы и прорисовки изображений и текста.

Дополнительные возможности для изучения позднесасанидской бюрократии открывает последняя книга Р. Гизелен, посвященная анализу административных печатей из собрания иранского коллекционера Ахмада Саиди³. Одно из самых крупных частных собраний поражает богатством сасанидской глиптики. Только его «административная» часть насчитывает 5 печатей и 482 буллы. И хотя большинство обнаруженных на них административных топонимов и должностей относятся к категории уже отождествленных в предыдущих публикациях, их повторное появление на памятниках глиптики помогает в решении палеографических задач — уточняет чтение и восстанавливает лакуны в поврежденных аналогичных легендах. А кроме того, численность и разнообразие материала могут служить показателем того, насколько распространенным было использование печатей представителями местной администрации.

Из-за естественной гибели (и намеренного уничтожения) архивов доисламских правителей Ирана и практически полного отсутствия надписей позднесасанидского времени, исключая надгробные, печати и буллы остаются важным первоисточником для изучения исторической географии страны и состава ее правящей элиты. Публи-

³ *Gyselen R. Nouveaux matériaux pour la géographie historique de l'Empire sassanide: sceaux administratifs de la collection Ahmad Saedi // Studia Iranica. Cahier 24. P., 2002.*

кация свежего материала, предпринятая Р. Гизелен, позволяет сделать серьезный прорыв в этом направлении.

К принципиально новой информации, которую предоставляет коллекция А. Саиди, относятся оттиски печатей должностных лиц из юго-восточных провинций Сасанидского государства (из Сакастана, Завулистана и Синда), отвоеванных при Хосрове I (531–579) у эфталитов. Судя по легендам на буллах, владельцами официальных печатей являются чиновники провинциального уровня *āmārgar* и *ōstāndār*, что подтверждает информацию нарративных источников об официальном включении названных территорий во владения Сасанидов. Публикация сасанидских булл с отметками топонимов из Закавказья (*Armin, Sīsagān, Ardān, Wirōzān*), соответствующих территории Армении, Кавказской Албании и Грузии, также дает основание отнести упомянутые области к сфере сасанидского владычества. В армянских исторических сочинениях их зависимость от могущественного южного соседа не фиксируется. Гизелен склоняется к тому, что топоним *Armin* в сасанидской административно-географической номенклатуре обозначал не всю Армению, а лишь ее часть, так называемую Персармению. На буллах из того же региона встречаются и доселе неизвестные, сугубо иранские названия административных единиц — *Šahr-pādār-Pērōz* и *Marz ī pēsawān*, отличные от традиционных местных.

Содержание книги составляют пять аналитических глав, введение, заключение, и прилагаемые к изданию карты и фототаблицы.

Самая большая глава I (*Corpus des cachets administratifs et leur analyse*) представляет собой по сути корпус и анализ глиптики функционеров светской и духовной власти с указанием места их службы — провинция, регион, округ, город. Глава включает 11 разделов — по числу представителей администрации, печати каждого из которых рассматриваются отдельно. Новыми в исследуемом списке бюрократии, который предоставляет коллекция, являются должности даригбеда (*darīgbed*) — начальника дворцовой службы, *gund ī kadag-xwadāyagān framādār* — «командующего отрядом глав семей (родов)» и заррбеда (*zarrbed*) — «управляющего золотыми рудниками». Примечательно, что все три должности «привязаны» к северным окраинам Сасанидского Ирана.

Глава II (*Critères intrinsèques des cachets administratifs*) посвящена анализу технических вопросов изготовления печатей, расположения текста, системы аббревиатур административных топонимов, палеографии, метрологии и статистике. Убедительность аргументации подтверждается обилием таблиц. Для историка представляется ценной сводная таблица топонимов и соответствующих им представителей местной администрации, составленная по публикациям памятников сасанидской глиптики.

В главе III (*Les noms des administrations provinciales*) объектом специального исследования является провинциальная администрация, зафиксированная в «новых материалах», т. е. в коллекции Саиди. Коллекция позволила увеличить число провинциальных институтов до 15 за счет трех новых представителей номенклатуры, глиптика которых проанализирована в главе I. Р. Гизелен ограничивается рассмотрением 11 институтов, опуская должности, отсутствующие в коллекции Саиди, но адекватно освещенные в ее предыдущей публикации (речь идет о терминах *āyēnbed*, *dādwar handarzed*, *nēwbār*). Она практически не задерживается на характеристике тех институтов, к которым «новые материалы» не добавляют ничего нового, и отсылает читателя к изданию 1989 г. Это касается должностей «защитника обездоленных и судьи», *мобеда* и *maguh*. На терминах *ōstāndār* и *šahrab* исследователь останавливается подробнее, поскольку дополнительные материалы коллекции позволяют развить идею о разном статусе этих административных институтов и подчиненных им территориальных образований. Благодаря коллекции Саиди численность известных печатей *остандаров* VI–VII вв. превысила численность печатей *шахрабов* — 15 против 13. При этом

оказалось, что топонимы на тех и других не совпадают: *остандары* и *шахрабы* управляют разными провинциями. Обращение к нарративным эпиграфическим памятникам — сасанидским надписям III в. — фиксирует 8 *шахрабов* и ни одного *остандара*⁴. В то же время в нарративных неэпиграфических источниках сасанидского времени термин *ōstān* часто фигурирует в значении «царский домен» (*Maison de la Dynastie*) — область или город, принадлежащие царю или царскому роду. В таком случае *ōstāndār* обозначает должность сановника (чиновника), отвечающего за управление царской областью (царскими землями, доменом царя).

Отсутствие такой должности в официальных надписях III в. Гизелен пытается объяснить двумя возможными причинами: а) либо *остандар* был недостаточно знатен, чтобы упоминать о нем; б) либо в III в. этой должности не существовало вовсе. В итоге она склоняется к тому, что в надписях ранних Сасанидов управляющие царской собственностью упоминались в списке близких к *шаханишаху* людей под своими личными именами как цари определенных территорий, без указания должности *остандара*. К их числу безусловно принадлежит царевич Шапур — сын Шапура I и царь Мешана⁵, а также Денак — царица Мешана, *дастгерда* Шапура⁶. Таким образом, в надписи Шапура I Мешан обозначен термином *dastgerd* («имение»).

В Талмуде правители Кашкара и Мешана именуются *остандарами*⁷. С течением времени статус Мешана изменился — он превратился в обычную провинцию. Согласно позднесасанидским печатям, Мешаном управляет *шахраб*.

Р. Гизелен, вероятно, права, допуская сосуществование в рамках одной административно-территориальной единицы двух официальных должностей — *остандара* и *шахраба*. Надписи III в. и печати VI–VII вв. такую возможность не подтверждают. Однако сирийские источники V–VI вв. косвенно свидетельствуют о выделении владений *остандара* из состава провинции Арзон. Так, в списке участников собора патриарха Исаака (410 г.) упомянуты рядом Даниил, епископ Арзона, и Самуил — «епископ Арзона, относящегося к родовому (семейному) остану»⁸. И на соборе патриарха Дадишо (424 г.) присутствуют главы христианских общин двух частей провинции — упомянутый выше епископ Даниил от Арзона и епископ Иоанн, представляющий *остан* в Арзоне⁹. На соборе патриарха Иосифа (554 г.) присутствует только представитель от *остана*¹⁰. В соборе Бабая (497 г.) участвовал только епископ провинциальной части Арзона¹¹.

Разночтения в эпиграфических и нарративных источниках по поводу статуса областей и их правителей, да и скудость самих источников, предоставляют широкие возможности для всевозможных спекуляций. Р. Гизелен выдвигает тезис об эволюции статуса некоторых областей в результате политических и иных событий, аргументируя его изменением статуса правителей Мешана. Тезис сохраняется на уровне рабочей гипотезы, поскольку ограничивается единственным примером предполагаемого развития.

⁴ Ibid. P. 108.

⁵ Back M. Die sassanidischen Staatsinschriften // Acta Iranica. Bd 18. Téhéran-Liège-Leiden, 1978. S. 333.

⁶ Ibid. S. 355: *dynk-y ZY myš 'n MLKT' dskrt šhpwhr-y*.

⁷ Цит. по: Morony M.G. Continuity and Change in the Administrative Geography of Late Sasanian and Early Islamic al-'Irāq // Iran. Vol. 20. L., 1982. P. 30, 34.

⁸ Chabot J. B. Synodicon orientale ou Recueil de Synodes nestoriens, publié, traduit et annoté // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques. P., 1902. P. 34 — *w šmw 'yl 'pysqwp' d 'rzwn 'l byt' d 'wstn*; P. 272 — Samuel, év. d'Arzôn pour Beita de 'Aoustan. Издатель трактует термин *ōstān* как «Maison de la Dynastie».

⁹ Ibid. P. 43 (text), 285 (trad.).

¹⁰ Ibid. P. 109 (text), 366 (trad.).

¹¹ Ibid. P. 62 (text), 366 (trad.). Епископом Арзона до 582 г. был будущий патриарх-католикос несториан Ишояб I (582–595).

К интересному выводу исследователь приходит, анализируя печать *остандара*, на которой обозначены два топонима — Šahr-win(n)ārd-Yazdgird и Abzūd-Xusrō. Первый (по начальному компоненту сложного имени) она считает названием провинции со статусом *šahr* и склонна полагать, что *остан* состоял из двух административных образований, одно из которых — провинция. В качестве альтернативы она допускает здесь объединение двух более мелких образований, из которых первое утратило статус прежней провинции, но сохранило ее название.

Не исключала издатель и возможности объединения двух провинций в один *остан*. Имея перед глазами пример разделения Арзона в V–VI вв. на царские и провинциальные владения, мы полагаем, что и в данном случае речь идет не о двух провинциях в одном *остане*, а о выделении в одну административную единицу царских владений, расположенных в двух соседних провинциях.

Об идентификации топонимов упомянутой печати *остандара* говорить сложно. В то же время топонимы Pušagistān и Aspzār на печати другого *остандара* отождествляются без проблем и зафиксированы также в более поздних источниках.

В главе IV (*Les toponymes des circonscriptions administratives*) в алфавитном порядке исследуются все топонимы, отмеченные на печатях и имеющие статус административно-территориальных единиц, кроме связанных с администрацией *magūh* и трудночитаемых названий. Экскурс о каждом топониме (таких экскурсов 60) включает две рубрики: а) его фиксация (*attestation*) в памятниках глиптики и эпиграфики (надписи); б) атрибуция топонима (*identification*) — определение его статуса и локализация. Приоритет в экскурсах отдается выявлению внутренних факторов, помогающих отождествлению топонимов и привязке их к определенному месту на карте. Удачным представляется случай, когда вовсе неизвестное название упоминается рядом с хорошо известным. При анализе учитываются фиксации топонима в первичных, а при необходимости — во вторичных и третичных источниках (т.е. в неиранских или постсасанидских иранских памятниках). Иногда имеющиеся в наличии источники не позволяют прийти к надежному отождествлению топонима, а лишь дают возможность сформулировать гипотезу на этот счет.

При определении статуса административно-территориальных единиц помогает контекст — окружение из представителей официальной номенклатуры, зафиксированных на печатях.

Глава V (*La géographie administrative et les nouvelles sources sigillographiques*) целиком построена на сопоставлении данных глиптики VI–VII вв. с перечнем регионов Ираншахра в сасанидских надписях III в. Рубрики исследования расположены в порядке регионов державы, перечисленных в раннесасанидских надписях. Из аналитического сопоставления с неизбежностью следует факт постепенного (иногда резкого в результате административных реформ) мельчания (дробления) провинций и областей Ирана к концу сасанидской эпохи, уменьшение их территории при сохранении традиционного названия. Крупные административно-территориальные единицы, обычные для III в., в VI–VII вв. сохраняют значение надпровинциальных регионов, возрождавшихся для мобилизации усилий при решении важных военных и фискальных задач. Именно к этому выводу приходишь, обращаясь к печатям *спахбедов*, каждый из которых был военачальником в исторических областях, иногда занимавших до четверти территории государства.

Новые материалы по сасанидской административной глиптике в собрании Саиди Р. Гизелен иллюстрирует в книге качественными прорисовками текста и фотографиями печатей и булл.

Дополнительная информация для суждения о военной администрации в позднесасанидском Иране содержится в небольшой работе Р. Гизелен, посвященной институ-

ту четырех *снахбедов*¹². Основными источниками сведений о четырех военачальниках, назначенных Хосровом Ануширваном (Хосровом I, 531–579) для защиты рубежей Ирана по четырем сторонам света, служили раннемусульманские хроники и пехлевийские сочинения (Бундахишн), датируемые IX–X вв. Сюжеты домусульманской истории, изложенные более поздними памятниками, исследователи воспринимали неоднозначно, с большей или меньшей долей скепсиса. Это касалось и военно-административной реформы Хосрова I, которая представлялась чересчур идеальной. Историзм четырех *снахбедов* тоже подвергался сомнению, пока Ф. Жинью не опубликовал в статье 1991 г. фрагмент печати, на сохранившейся половине надписи которой отчетливо читалась легенда *nēmroōz spāhbed* — «*снахбед* Немроза» (иначе «Командующий Югом»)¹³.

Позднее Р. Гизелен обнаружила в коллекции А. Саиди и исследовала более десятка глиняных булл с изображениями вооруженных всадников и легендами, на которых упоминались *снахбеды* других частей Сасанидского государства. Этой теме она посвятила несколько статей. Складывалось убеждение, что сведения нарративных источников в целом не противоречат данным печатей, и название очередной статьи — «Когда археология встречается с литературной традицией»¹⁴ — лишнее тому подтверждение.

Но, возвращаясь к обобщающей работе о четырех *снахбедах*, необходимо отметить, что синхронный археологический материал (в данном случае печати и буллы) оказывается информативнее и конкретнее постсасанидских хроник. В известной мере печати военачальников богаче сведениями, чем печати гражданских чиновников провинциального уровня. Центральную часть поверхности на печатях *снахбедов* занимает стилизованное изображение вооруженного всадника на коне. Вокруг изображения расположена двух- или трехстрочная легенда, формуляр которой включает имя владельца печати, его воинский ранг (или титул), принадлежность к высшей знати *шаханашаха* и, наконец, должность. Приводим пример обычной легенды на печати *снахбеда*:

1 стк. *d'tbwlcmtly ZY 'sppty ZY p'hlwby W hwytk 'whlmzdy LB[']*
2 стк. *'yl'n kwst' ZY hwl's'n sp'hpty*¹⁵.

Транскрипция:

1 стк. *dād-burzmihr ī aspbed ī pāhlaw ud huḡadag ohrmazd wuzurg*
2 стк. *ērān kust ī xwarāsān spāhbed.*

Перевод:

«Дад-Бурзмихр, *аспбед* («начальник конницы») Парфии, вельможа благословенного Ормазда¹⁶, *снахбед* Ирана с хорасанской стороны» (т.е. *снахбед* восточной четверти Ирана).

¹² Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence // IsIAO, Conference 14. Roma, 2001.

¹³ Gignoux Ph. À propos de quelques inscriptions et bulles sassanides // Histoire et Cultes de l'Asie Centrale préislamique. P., 1991. P. 65–69.

¹⁴ Gyselen R. Lorsque l'archéologie rencontre la tradition littéraire: les titres militaires des *spāhbed* de l'empire sassanide // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Séances de l'année 2001. P., 2002.

¹⁵ Gyselen R. The Four Generals. P. 36, Seal Ib. Исследователь допускает наличие короткого курсивного текста *'pzwn'*(?) в третьей строке, но прорисовка этого места очень нечетка.

¹⁶ Гизелен переводит окончание первой строки иначе: “and (having the honorary title) ‘well-omened (is) Ohrmezd’, grande”. Наш вариант перевода представляется более верным. Для владельца печати важно было не столько подтвердить свою причастность к сословию вельмож, сколько заявить о своей преданности конкретному монарху.

Составляющие этого формуляра варьируются на печатях *спахбедов* разных территорий. *Спахбедами* Немроза («Юга») выступают *аспбед* Парса, вельможа с титулом *šahrwarāz* («вепрь державы»), евнух и *андарзбед* («советник»); *спахбедом* Хварбарана («Запада») является *хазарбед* («тысячник») Вистахм, занимавший должность главнокомандующего западной четверти страны при двух монархах — Хосрове I и Хормузде IV; *спахбедами* Адурбадагана (северной четверти) названы вельможи из древнего аристократического рода Михран, один из которых при Хосрове I имеет титул *šahraspbed* («начальник конницы страны»).

Завершая исследование, Р. Гизелен формулирует ряд обобщающих заключений. Издатель допускает, что обработанные ею оттиски печатей поступили из одного центра через посредство антикварного рынка. Этот центр, принимавший донесения от военачальников четырех сторон Сасанидской державы, располагался недалеко от столицы или от резиденции *шаханшаха*. Упоминание «благословенного Хосрова» и «благословенного Ормазда» на печатях можно считать косвенной датировкой функционирования *спахбедов* — с 531 по 590 г. По оттискам 11 печатей Р. Гизелен смогла составить таблицу деятельности восьми *спахбедов* в пространственно-временной ориентации. И хотя ряд вопросов остаются нерешенными (степень полноты материала, точное время и продолжительность деятельности *спахбедов*, их последовательность и пр.), опубликованная часть «архива» печатей *спахбедов* представляет собой чрезвычайно важный источник по истории Ирана второй половины VI в. и для характеристики его военно-административного аппарата.

Небольшой сюжет, посвященный анализу двух оригинальных (в смысле необычных, редких) печатей позднеасанидской эпохи, продолжает тему соотношения нарративных и археологических источников и знакомит с двумя новыми учреждениями, прежде известными из более поздних памятников мусульманской эпохи. Речь идет о *dīwān* и *ganj*¹⁷.

Отсутствие первого термина в синхронных памятниках сасанидского времени давало историкам ислама повод утверждать, что «диван» как учреждение был основан халифом Омаром, т. е. в первой половине VII в.¹⁸

На прорисовке лицевой стороны печати из коллекции А. Саиди в центре изображен символический предмет, напоминающий пятисвечник с рожками, образующими конус, а по окружности — среднеперсидский текст: *mwldy ZY dyw'n*¹⁹ (*muh* *r* *ī* *dīwān* — «печать дивана»). Притом что символ в центре мало что говорит, отсутствие развернутого контекста не позволяет определить, печать какого ведомства (налогового или войскового) имеется в виду.

На оттиске другой печати почти всю поверхность занимает изображение *фравахра*, засвидетельствованного на сасанидских рельефах и монетах и квалифицируемого как символ царствующей династии.

Легенда по окружности печати сообщает:

*mwldy ZY gncy ZY PWN 'pzwny ŠPYL*²⁰.

(*muh* *r* *ī* *ganj* *ī* *pad abzōn weh*) —

«Печать сокровищницы (казны), умножающей благо (благоумножающей).

Специализацию казны в данном случае определяет символ династии. Печать царской сокровищницы дошла до наших дней в виде оттисков на очень редких буллах.

¹⁷ Gyselen R. *Dīwān et «Trésoire» sassanides: premières attestations sigillographiques* // *Studia Iranica*. T. 32, Fasc. 1. P., 2003. P. 123–126.

¹⁸ Duri A.A. *Dīwān* // *Encyclopédie de l'Islam*. 2e éd. T. II. Leide, 1977. P. 332–336; Bosworth C.E. *Dīwān*, II. Government Office // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VII. Fasc. 4. 1995. P. 432–438.

¹⁹ Gyselen R. *Dīwān*. P. 125. Fig. 1.

²⁰ Ibid. P. 125. Fig. 2.

Место находки их также неизвестно, но Гизелен считает, что они могут происходить из того же архива, что и буллы военачальников-*спахбедов*. Само существование царской казны во многом обуславливалось необходимостью все возрастающих расходов на содержание армии. Ибо, как выразился один из составителей «Денкарда» (IX в.): «Если нет войска, то... и сокровища бесполезны» (т.е. не нужны)²¹.

Summary

A.I. Kolesnikov

Survey on new materials for the study of the Sasanian administration

The paper constitutes of analytic survey of latest editions and researches on collections of Sasanian glyptics, namely of seals and bullae marked with designations of regional functionaries of power. The bulk of new material has been presented thoroughly in the works (books and articles) published by Rika Gyselen in 1989–2003. My task is to attract the attention of researchers of the history of pre-Islamic Iran to the abundant fresh data derived from primary sources (over a thousand in number), which can alter the formed conception of the administrative structure in the Sasanian Iran. Being synchronous memorials of the Sasanian epoch, the seals and bullae represent realities of the time in a more correct way than the later narrative sources. To reconstruct Iranian history of that time with best possible precision, we must take into account the both groups of sources.

²¹ *Ka gumā nēst... ud ganj a-sūd* (The Complete Text of the Pahlavi Dinkard. Pt I. Bombay, 1911. P. 137, l. 11–13; Tafazzoli A. Sasanian Society: Warriors, Scribes, Dehgāns // E. Yarshater Distinguished Lecture Series in Iranian Studies. No. 1. N Y., P. 5).